

Ольга

Нашкевич

МОЛОДКА, МОЛОДКА, МОЛОДЕНЬКАЯ...

Зинаида Михайловна плакала во сне, от собственных слёз и проснулась. Не смотря на пятый час утра, сквозь плотные шторы пробивалось жаркое июльское солнце, что неудивительно: в Якутске летние ночи белые, светлые.

Женщина закрыла глаза, надеясь вздремнуть, но не давал покоя недавний сон: привиделась ей лошадка, что исправно трудилась при детской инфекционной больнице. Зинаида устроилась в лабораторию больницы в конце шестидесятых годов сразу после окончания медицинского училища, и ещё не успела привыкнуть ни к лошадёнке, ни к пожилому, доброму конюху, когда лечебнице выделили дополнительную машину, а лошадку приказали списать и отправить на мясокомбинат. Конюх пошёл по инстанциям, просил, чтобы разрешили выкупить животное – хотел отвести в родное село неподалёку, но наверху просьбе не вняли.

Проводить в последний путь выведенную из больничного двора любимицу вышел весь медперсонал. Многие подходили к лошади, гладили её, спокойную, не ведающую, в честь чего устроены такие проводы. Женщины плакали, а ребятишки, пациенты больницы, с мамочками, до которых дошла печальная весть, грустно смотрели на происходящее из окон.

Зинаида, выросшая в деревне, знающая, какая подмога лошадь в крестьянском хозяйстве, в тот день так сильно расстроилась, что на прибывшую вскоре машину и её водителя, лихого, симпатичного парня, смотрела как на врагов народа, хотя их вины в случившемся не было.

«Надо же, столько времени прошло, и вдруг вспомнилось! – удивлялась Зинаида Михайловна. – И не просто вспомнилось, а со слезами. Сколько их, таких лошадок в ту пору по всей стране было пущено под нож? А была ли в том необходимость? Ведь грех же, наверное, так поступать с бессловесной животинной?»

Сердце женщины билось учащенно: шестидесятисемилетняя Зинаида Михайловна ощущала себя той самой лошадкой-трудягой, на смену которой пришла неодоушевлённая машина. Не сегодня-завтра и саму Зинаиду, находящуюся пока в очередном отпуске, могла ждать отставка. Причина не в её возрасте или здоровье (за последние восемь лет Зинаида Михайловна ни разу не брала больничный), а в том, что она не владеет компьютером. Женщина бы и рада его освоить, но кто бы

научил, а без знания ПК, как пишут сокращённо, ей не пройти курсы повышения квалификации, и, соответственно, предстоящей аттестации.

Раньше в лаборанты молодёжь особо не рвалась, тем более в детское отделение. Непросто брать кровь у маленьких детей: тут тебе и крики, и слёзы каждое утро... Поначалу Зинаида Михайловна надеялась, что адаптируется к этому, но нет, не привыкла. Жалко ей деток, а что делать? Без анализов как лечить? Врачу же необходимо точно знать, есть ли улучшение или нет. Сейчас когда условия по сравнению с прошлыми изменились (не надо стерилизовать те же иглы, пробирки, на помощь пришла аппаратура), место лаборанта стало востребованным.

Конечно, её, отличника здравоохранения, просто так не уволят, но ведь надо соответствовать требованиям, и тут ни стаж, ни звание не помогут. Когда Зинаида писала заявление, инспектор по кадрам поинтересовалась: «После отпуска вернётесь?» «Обязательно», – без раздумий ответила она. Ответить-то ответила, только вот как обещанное выполнить, теперь не знала. Ещё весной записалась она на бесплатные компьютерные курсы для пенсионеров, но начало их до сих пор откладывается.

Старый сотовый телефон Зинаиде тоже давно пора бы заменить. Иногда, особенно при молодых коллегах, ей даже стыдно его доставать. Нет, у неё есть новая модель, сенсорный, навороченный, сын с невесткой подарили ещё на прошлый Новый год, только как пользоваться им, не показали. Несколько раз Зинаида просила сына помочь, тот обещал зайти, но забывал, так что лежит подарок в шкафу, ждёт своего часа. А ведь иные её сверстницы, а то и постарше, она сама видела, лихо на сотовый и фотографируют, и видео снимают, и сообщения отправляют, а Зинаида вроде и не глупее их, а ничего этого не умеет.

Женщина с досадой смотрела на компьютер внука Алексея, который учится в Санкт-Петербурге, жалела, что своё время, пока он жил с ней (отсюда ему было ближе в школу) избегала технику как огня. Уже третий год, вытирая пыль с экрана и процессора, корит она себя за непредусмотрительность. Можно было давно нанять репетитора по объявлению в газете, но приглашать чужого человека в дом не решалась.

Видимо, недаром ей лошадка снилась, того и гляди вызовут в кадры, вручат трудовую книжку – и гуляй. А чем она, вполне работоспособная женщина, на пенсии будет заниматься? К тому же и деньги, как известно, лишними не бывают. Сейчас она внуку понемножку отсылает, а если не работать, то отправить будет не с чего. Тревножно было на душе у Зинаиды Михайловны, а после сна стало совсем тоскливо. Безнадёга полная, да и только.

* * *

Вечером Зинаиде Михайловне позвонила соседка Валентина:

– Можно к вам зайти, переговорить?

– Заходи, конечно.

– Только я не одна, а с внучкой, из Ленска прилетела.

– Тем более.

Валентинину внучку Лизу Зинаида не видела давно, и хотя показывала соседка её фотографии, но Зинаиде Михайловне она до сих пор казалась дошкольницей в розовом коротеньком платьице, с белым пышным бантом в светлых, аккуратно

заплетённых бабушкой волосах. Когда же на пороге следом за Валентиной возникла высокая стройненькая девочка-подросток, женщина всплеснула руками:

– Батюшки! Неужели это Лиза?

Расположились в зале. Лиза смущённо молчала, переводя внимательный взгляд с хозяйки на бабушку, которая жаловалась, что супруг целыми днями на работе, ей самой отпуск не дают, потому что заболела напарница, а в результате внучка третий день сидит в четырёх стенах.

– Одна надежда на вас, Зинаида Михайловна, помогите, пожалуйста, организовать Лизоньке культурную программу, мы заплатим, – попросила Валентина.

Отказать соседке, которая к тому же была землячкой её покойного мужа Владимира, женщине было неудобно. Много раз выручала её Валентина в трудную минуту, да и девочку было жаль – прилететь в такую даль из райцентра, чтобы маяться в квартире, никуда не годится.

– Ты в какой класс перешла? – спросила Зинаида Лизу.

– В восьмой.

– Большая уже.

– Большая-то большая, – вмешалась Валентина, – а города не знает. И, честно сказать, мы сами её одну отпускать боимся, вот и сидит внучка: то на телефоне играет, то за компьютером.

Зинаида Михайловна, услышав про компьютер, оживилась:

– А умеешь пользоваться компьютером? – обратилась она к девочке.

– Да. А что, у вас есть комп?

– Есть, только я в нём не разбираюсь.

– Так она вас в три счёта научит, – заверила Валентина. – Сейчас такое время наступило: раньше взрослые учили детей, а теперь дети взрослых учат.

Лиза осмотрела компьютер:

– Нет проблем. В принципе комп у вас не древний, – оценила она технику.

– Тогда сделаем так, – предложила Зинаида Михайловна, – Лиза поможет мне обуздать коня, который именуется компьютером, а за мной обед и культпоходы, например, в музей. Мне, кстати, коллега по весне два бесплатных единичных билета на посещение всех музеев города подарила, а я про них и не вспомнила бы, если бы не вы.

– В музей я с удовольствием. У нас в Ленске тоже музей есть, краеведческий, – разговорилась Лиза. – Там очень интересная выставка ямщицкой культуры. Мы же, бабушка, потомки ямщиков государевых? Правильно? Я вам сейчас кое-что покажу.

Лиза достала из кармана джинсов смартфон, провела пальцем по экрану:

– Это, тётя Зина, памятник ямщикам на берегу Лены. Видите, какой большой? Ямщик прямо как живой. Да?

От Лизиного «тётя Зина» у женщины потеплело на душе, давно к ней так не обращались. В последнее время только по имени-отчеству, а тут «тётя», как когда-то называли её друзья сына и внука.

– У меня и запись старинной песни есть. Послушаем?

Зинаида Михайловна отмечала про себя, с каким восхищением смотрела на внучку Валентина, радуясь её знаниям, но, с другой стороны, по-видимому, ей было неудобно отнимать у соседки время.

– Не сегодня, Лиза, поздно уже, – попыталась остановить Валентина внучку.

Но Зинаида поддержала девочку:

– Давайте послушаем.

– Молодка, молодка, молоденькая, – слышались женские голоса, которые пели без музыкального сопровождения. – Пришла тёмная ночь, лягу спать одна без милого дружка, без милого дружка да берёт грусть-тоска.

Зинаида Михайловна вздохнула под печальные слова, представив исполнительниц морозным вечером в почтовом доме, где в передней под потолком на специальных вешалах сушатся хомуты и седёлки, от которых идёт запах специфического конского пота, а издалека слышен звон знаменитого валдайского колокольчика. Долгие годы хранился такой и в семье Зинаиды.

Валентина, когда отзвучала песня, тихо спросила:

– Откуда это у тебя?

– На прошлой неделе ходили на встречу с участниками экспедиции по следам государевых ямщиков. Нам сказали, что это очень старая песня.

– Да, наши предки сильными людьми были, – высказалась Зинаида Михайловна, – в таких суровых условиях выжили и культуру свою сохранили.

– Между прочим, на следующий год двести семьдесят пять лет будет со дня основания Иркутско-Якутского тракта.

– Откуда ты, Валентина, всё знаешь? – удивилась Зинаида. – Вроде не в учреждении культуры трудишься.

– Как откуда? У нас ямщицкая община создана, фестивали проходят, часто в селе бываю, жаль, что вас вытащить никуда не могу, постоянно приглашаю, а вы всегда почему-то отказываетесь.

– Это правда, – посетовала Зинаида. – Слушай, а у тебя, кажется, есть книга о ямщиках. Можешь дать почитать?

– Хорошо, сейчас отправлю с Лизой.

* * *

Поздним вечером, нарушая традицию, Зинаида Михайловна не стала смотреть очередной телесериал, а открыла принесённую девочкой книгу. Сразу на форзаце увидела карту-схему станций Иркутско-Якутского почтового тракта от Якутска до Витима. Вот и Синск, родное село Володи. При жизни супруга они нередко бывали там вместе. Поначалу Зинаиде непривычно было общаться с его родными: свекровь, с виду славянка, совсем не говорила по-русски, зато свекор хорошо владел и якутским языком, и русским. Синск ассоциировался у Зинаиды с лесом, грибами, спелой брусникой, вкусной домашней картошечкой, сельчане называли картофаном. Любил супруг Зинаиды Михайловны косить сено, и охотником, и рыбаком был заядлым.

Тогда они, молодые, в городском Доме культуры не пропускали ни одного нового кинофильма и концерта. Инициатива обычно исходила от Владимира, а как его не стало, заперла себя Зинаида в четырёх стенах: работа – дом – работа, а зря, наверное, зря. Не похвалил бы её за это Володя, это точно.

Она листала книгу, натываясь на знакомые имена и фамилии, лица и места, и радовалась тому, что жива память людская о Володиных земляках, предки которых из Ярославской, Костромской, Могилёвской и других губерний основали на тракте почтовые станции, превратившиеся позже в целые деревни и сёла. К

сожалению, многих из них уже нет на карте, но остались они в людских сердцах, как и песни, и традиции, что принесли с собой государевы ямщики в далёкую Сибирь и Якутию.

* * *

Сквозь плотные шторы пробивалось утреннее солнце. «Молодка, молодка, молоденькая», – вспомнила, проснувшись, Зинаида Михайловна, и улыбнулась новому дню.

ДЕЛА ЗМЕИНЫЕ

Зоиньке скоро исполнится сорок пять. Именно исполнится, а не стукнет, как говорят те, кто годов своих стыдится или боится. А Зоиньке бояться нечего: она ещё симпатичная, энергичная, на здоровье не жалуется, фигура позволяет и мини надеть, и на каблучках она, совсем как в юности, легко ходит. Многие считают Зоиньку смелой женщиной. И, действительно, если где какая несправедливость, Зоинька сразу же в первых рядах борцов за правду. И необязательно, чтобы кулаком по столу или криком во всё горло. Нет, она, конечно, может при необходимости и голос повысить, но, в основном, как говорится, находит индивидуальный подход, потому Зоинька уже много лет как на своём предприятии неизменный председатель профкома. Возможно, пессимисты скажут, мол, все эти профсоюзы, бывшие школы коммунизма, вчерашний день, и без них прожить можно, но пока есть такие бесстрашные лидеры, как Зоинька, которые умеют договариваться с руководством, конфликты улаживать, людей в трудную минуту подбадривать, то невольно поверишь, что профсоюз необходим как воздух.

Впрочем, хоть и слывет Зоинька женщиной смелой, но есть и у неё одна фобия: боится она змей.

Нет, не только живых, хотя она живых-то отродясь в глаза не видела, а всяких: и нарисованных, и в виде сувенирчиков, и открыточек, и тех, что с экрана плятятся.

Особенно для Зоиньки тяжёл год змеи. Он же как приближается, эти самые змеи из всех щелей так и лезут: и на улице в виде ледовых фигур красуются, типа добрые мы, мудрые, всех любим, и с календарей, и с первых страниц газет и журналов. Там вообще не змеи, а прямо-таки ягнята безобидные. Ещё всякие шляпки, брошки, серёжки этим пресмыкающимся рисуют, ну просто милее твари на свете не существует.

Родственники-то, близкие, естественно об этой Зоиной проблеме знают, оберегают, всякий раз предупреждают, никакой такой продукции в дом не несут. А чужие? С чужих какой спрос?

Когда у Зоиньки эта фобия появилась, она и сама точно не помнит. Девчонкой ещё, дошкольницей, у бабушки в деревне гостила, там червяков дождевых и в руки брала, и наблюдала за ними без всякого страха. А они-то, если присмотреться, змей здорово напоминают: и ползают, и извиваются. И вот потом Зоинька и этих самих червяков, и всего змееподобного бояться стала как огня.

Пожалуй, началось с того случая, когда соседский мальчик привёз с юга, куда с родителями ездил, сувенир: небольшую такую резиновую змейку, но уж очень

на живую похожую, и той змейкой-сувениром решил Зоиньку попугать. Так, ради шутки. Он был добрым мальчиком, и никто особо не реагировал, как-то люди сразу догадывались, что ненастоящая змеюка-то, а Зоинька... Закричала, побледнела и со всех ног к папе с мамой. Одним словом, истерика. С тех пор родители тщательнейшим образом все книжки, прежде чем Зоя их в руки брала, проверяли на змеиный предмет, дабы ребёнок не напугался.

Шли годы. Зоинька уже в девятом классе училась. Училась не так чтобы очень старательно, но без троек. А тут разрешили в некоторые вузы тем, у кого общий балл аттестата четыре с половиной, сдавать два вступительных экзамена вместо четырёх. Зоинька решила такой шанс не упускать. Глубоко проанализировав свои способности к учебным предметам, составила план действий: по каким она на четвёрки будет учиться, а по каким на пятёрки тянуть. Среди пятёрок выпала честь и биологии. Биологией Зоинька не очень интересовалась, девушка собиралась заниматься бухгалтерским учётом, а вот учительницу Музу Анатольевну, впрочем, как и все Зоины одноклассники, уважала. Добрая, никогда не повышающая голос, Муза Анатольевна умела заинтересовать своим предметом даже последнего лентяя, но была она уже пенсионного возраста, муж её часто болел, так что пришлось Музе Анатольевне уйти на заслуженный отдых.

Сменила её полная противоположность: молодая, крикливая Лидия Михайловна. Блестя большими карими глазами, она быстро осматривала класс, словно искала, кому и за что сделать замечание. Привыкшая сидеть обычно за первой партой Зоинька во время биологии пристраивалась ближе к выходу, чтобы скорее покинуть ставший ей ненавистным кабинет, в который ещё недавно спешила с радостью. Особенно раздражало Зоиньку то, что Лидия Михайловна именовала одноклассников не иначе как валетами и дамами. «Она меня прямо бесит, – жаловалась Зоинька родителям, – и к тому же у неё почему-то всегда поверх всех плакатов с животными висят змеи. Где она их взяла? Я Витика упросила Шеина, чтобы убрал их с глаз, так она опять этих уродцев зелёных, как нарочно, наружу вытащила. Меня от них тошнит». Мать слушала дочку с тревогой и собиралась сходить в школу, поговорить с учительницей по душам, отец посмеивался: «Чего их бояться? Ты на уроке об уроке думай, а не о том, что где висит». «Толстокожий», – в сердцах бросала мать супругу.

Прекрасно осознавая, что с Лидией Михайловной не следует ссориться, Зоинька, когда та в очередной раз вызвала её к доске словами: «А теперь нам бубновая дама поведает о...» всё-таки сорвалась:

– Я не бубновая дама, а Зоя Кустова.

И так получилось у Зои это требовательно, и так громко, что класс замер.

– Что? – спросила на удивление спокойно Лидия Михайловна.

– Я не дама, а ученица Зоя Кустова, – повторила Зоя так же смело, хотя уже тише.

– Да, конечно, – согласилась педагог под прицелом двадцати трёх пар внимательных глаз.

Зоинька бойко ответила на вопрос, но, как и ожидала, посыпались дополнительные. Что бы там ни было, а девушка волновалась, тем более и плакат с зелёными пресмыкающимися находился буквально в шаге от неё.

– Так, так, садись, Кустова, сегодня троечка, – подвела итог Лидия Михайловна, потирая от удовольствия руки.

– Зачем ты с ней связываешься? – буркнул Витёк Шеин, её неизменный сосед, когда Зоинька вернулась на место.

– Ай, ладно, – отмахнулась Зоя. Змеи были далеко, юморист Витёк был рядом, а тройка ещё не повод для уныния.

После Зоинога замечания «валеты» и «дамы» сразу же исчезли из лексикона учительницы, но теперь всё внимание Лидии Михайловны во время контрольных, самостоятельных и прочих опросов было обращено исключительно на Зою. А опрашивать Лидия Михайловна любила и изобретала для этой цели всякие формы: и таблицы-то ученики заполняли, и кроссворды отгадывали, и какие-то биологические диктанты писали. Конечно, Лидия Михайловна, о чём подозревала Зоя, с огромным желанием пересадила бы чересчур строптивую девицу на первую парту, где её было бы удобнее контролировать, однако интуиция подсказывала учительнице, что Зоя, по какой-то неизвестной педагогу причине, ни за что не выполнит её требование, а конфликт Лидии Михайловне, только что приступившей к работе в новом коллективе, был ни к чему.

Педагог же в свою очередь ждала от них таких ответов по биологии, словно весь класс собирался поступать в медицинский институт или на биофак.

Зоя сдалась не сразу, в первое время ещё пыталась показать отличные знания, но поняла, что всё напрасно, и почти перестала готовиться по предмету дома.

Самое интересное, что несмотря на жёсткое наблюдение со стороны Лидии Михайловны, Зоинька умудрялась списывать в случае необходимости прямо из учебника, который раскладывала в парте. Может, очень дерзкое, если не сказать вызывающее, поведение ученицы ставило Лидию Михайловну в тупик, но она делала вид, что ничего не замечает, и ждала удобного момента для расправы.

Зоинька сама себя и выдала. В учебнике по биологии, конечно же, имелся раздел о пресмыкающихся и, конечно же, эти самые пресмыкающиеся были изображены на страницах самым надлежащим образом, в угрожающих позах. По просьбе Зои отец заклеил всех змеюк плотной бумагой, и Зоинька смогла пользоваться книгой без опасений.

Но в день итоговой контрольной Зоя, как назло, позабыла свой учебник и одолжила книгу у Витика. Упрятав, как обычно, пособие в парту, она осторожно перелистывала его в поисках нужной информации, стараясь не вызвать подозрение учительницы, как вдруг палец оказался прямо на змее.

– Ой, – произвольно вырвалось у Зоиньки, моментально отшвырнувшей книгу.

– Так, – Лидия Михайловна тут же оказалась рядом, – списываем? Сдавай-ка, Кустова, контрольную.

– Но я же не закончила.

– Сдавай, – повторила Лидия Михайловна, взяв листок с ответами.

Что оставалось Зоиньке? Только смириться, не канючить же прощение на виду у всего класса.

Дело было сделано, из-за проклятых змей в аттестате у Зоиньки образовалась тройка. Соответственно, не одолела Зоя четырёх вступительных экзаменов, и вместо института поступила в финансовый техникум, но только после того случая никогда уже не пользовалась шпаргалками. Всё честно, всё циферка к циферке, и никаких отклонений.

– Эх, Витёк, Витёк, подсунул мне тогда змеюк, – со смехом упрекала она бывшего соседа по парте во время традиционных встреч с одноклассниками. – Не твой бы учебник, ходила бы уже в министрах финансов.

– Откуда же я знал, что ты их боишься?

– Откуда, откуда, – передразнит весело Зоинька, – с чего бы я тебя тогда просила плакаты местами менять?

– Да, Зоинька, если бы ты была министром, я бы был твоим замом, – вздохнёт наигранно Виктор Георгиевич Шеин, санитарный врач, кандидат медицинских наук. – А всё змеи, будь они неладны. Испортили человеку карьеру, понимаешь.

Мало того, из-за этой фобии Зоинька и любовь свою единственную и неповторимую чуть не потеряла. А произошло следующее. На майские праздники, когда Зоинька училась последний год в техникуме, познакомили её девчата-однокурсницы с молодым человеком. Дмитрий, бывший морской пехотинец, парень-красавец: высокий, широкоплечий, глаза серые, руки сильные, не тихоня и не болтун, и должность, соответствующая умному и смелому мужчине: начальник караула пожарной части. У Дмитрия и собственная жилплощадь оказалась. По всем статьям Зоиньке бывший морской пехотинец, а теперь пожарный, подходил. Дмитрий сутки дежурил, трое отдыхал, так что времени для встреч у молодых хватало: в кино ходили, в театр, в парке гуляли. Раньше-то, как сейчас, ресторанов и кафе на каждом углу не было, и в ресторанах время проводили редко: обычно те, кто постарше, да командировочные ужинали. Дмитрий рестораны вообще стороной обходил: не дай Бог среди посетителей драка какая случится, не выдержит, полезет разнимать, а в таком деле силы свои рассчитать бывает сложно, врежешь больше чем следует и виноватым окажешься. Тогда в подобных заведениях охраны предусмотрено не было, в лучшем случае стоял на дверях швейцар, а Дмитрий как-никак на службе состоит, относящейся к министерству внутренних дел.

В наше время пожарные при МЧС значатся, а в те годы были в подчинении МВД, если не ведомственная, конечно, пожарная часть, а военизированная. Отсюда – погоны, звание, со всеми вытекающими последствиями. Повстречались Зоинька с Дмитрием чуть больше месяца, молодой человек с родителями девушки пообщался, понял, что приглянулся им, и сделал Зое предложение. А что тянуть? Подали заявление на конец июля. Жених очередной продуктовый паёк в виде сгущёнки, консервов рыбных, крупы и мяса получил (а так-то мясо только по талонам) и пригласил родителей Зои вместе с невестой на семейную дачу, решив шашлыками будущих родственников угостить и с родителями своими познакомиться. Зоиним родителям дача и в перспективе не светит, потому согласились.

Добрались рейсовым автобусом до дачного посёлка, благо, от города недалеко, от остановки до места назначения тоже близко. Молодые обнялись, поцеловались, словно сто лет друг друга не видели, старшие быстро общие темы для разговоров нашли: матери на стол накрывать пошли, мужчины о хозяйственных постройках речь повели. Сестрёнка Дмитрия Жанна, двенадцатилетний подросток, на первый взгляд показавшаяся Зоиньке очень милой и застенчивой девочкой, провела Зою в спальню переодеться. Зоя с собой спортивные брюки, футболку прихватила, чтобы удобнее на отдыхе себя чувствовать. Вышла она во двор, а Дима по пояс раздетый, решил, по-видимому, солнечные ванны принять, возле мангала орудует, шампуров поворачивает. Залюбовалась Зоинька Дмитрием, раньше-то его в

таким виде не приходилось лицезреть, ни дать, ни взять – супермен. А он к ней спиной стоит, её любовно обращенных к нему глаз не видит, за производством шашлыка наблюдает.

Подкралась Зоинька к Диме тихонько, хотела под правую руку взять, да так и отпрянула с воплями: у Димы на полруки татуировка: якорь, а вокруг него змея обвилась. Жирная, синяя, на Зоиньку глядит и как будто шипит: «Мой Дмитрий, моё место наколотое, вали отсюда, а то укушу!»

Ахнула Зоинька, бросилась со всех ног в дом мимо матерей, мимо золовки будущей в спальню, чтобы одежду сменить и скорее прочь, прочь. Дмитрий за ней: «Зоя, Зоя, что случилось?» Попытался её обнять, а она от страха стул схватила, загородилась им:

– Не подходи! – кричит.

Матери тут как тут. Зоина мама сразу поняла, в чём дело, увела Диму в другую комнату, стала объяснять причину дочкиной агрессии. В спальне Димины мать с Жанной Зоиньку успокаивают, а та плачет горькими слезами, тушь по щекам размазывая:

– Как же так? Ведь он такой хороший... Такой... Как же буду со змеюкой рядом жить? Не смогу.

Дима рубашку с длинными рукавами надел и торжественно пообещал собравшимся избавиться от татуировки до свадьбы. Слово своё он сдержал, на руке, конечно, шрам остался заметный, но чего не сделаешь ради любимого человека? Зоинька нет-нет да глянет на этот шрам, посмотрит виновато. «Ну чего ты? – успокоит Дима, – мелочи. Не заморачивайся».

Родители Зои в качестве свадебного подарка преподнесли молодым туристические путёвки в Ленинград. Но Дмитрию в августе отпуск не дали, а в сентябре уже Зоиньке на работу нужно было выходить, так что поехала Зоинька одна.

Неизвестно по какой причине, возможно, турбюро вовремя не забронировало места на самолёт, но летела Зоинька со своей группой из далёкого северного города до Ленинграда через Москву. Сначала до Москвы, до Домодедово шесть часов полёта, потом на автобусе до Шереметьево, а оттуда уже до Ленинграда снова самолётом. Зоинька хотя и в первый раз в такую даль отправилась, но никакого волнения не испытывала. Не одна она, а с группой, но сожаление, что мужа рядом нет, естественно, было. У руководителя маршрута сразу же разузнала программу, не предусмотрено ли посещение какого-нибудь зоомузея или зоопарка. Короче, хотела обезопасить себя на предмет змеевидных. Узнав, что ничего подобного не предвидится, девушка успокоилась. И вот в самолёте, в том самом из Москвы в Ленинград, определяют справа от Зоиньки пожилую сухонькую иностранку. Расположилась соседка с комфортом, ремень пристегнула, ручку левую на правую положила, и тут съёжилась Зоинька: на указательном пальце иностранки кольцо в виде змеи. Вместо глаз у золотого существа два сверкающих камешка, должно быть, бриллианты. «Надо же такое придумать, – возмутилась Зоинька про себя, разумеется, максимально отодвигаясь от соседки. – Наверное, в Москве купила». Слышала Зоя, что в столице есть магазины, где за валюту любой дефицит приобрести можно. Иностранка колечком своим любуется: и так, и эдак ручку повернёт, а Зоя только вздрагивает в такие моменты, а бежать некуда. Когда начали на взлётную полосу выруливать, перекрестилась иностранка, что-то тихо прошептала, должно быть, молитву, и глаза закрыла, похоже, задремала. И Зоинька, атеистка, но не из страха

перед предстоящим полётом, а из-за змеюки драгоценной, попросила: «Спаси, Господи!». Соседка сладко уснула, а Зоинька устала в книжку, чтобы отвлечься от угрожающей опасности, и на часы посматривала, когда же рейс окончится.

Родители Дмитрия, посвященные в Зоинькину фобию, отнесли к проблеме с пониманием, а Жанне обидно за брата стало, что из-за какой-то ерунды изуродовали Диме руку. И вообще, наверное, ревновала она его к молодой супруге, как-никак, а, женившись, брат стал уделять сестре меньше времени, и начал Зоиньке мстить. Придут молодые в гости к Диминым родителям, а Жанна тут как тут: «Вот посмотрите, какую интересную книжку в библиотеке взяла». И протянет что-нибудь с пресмыкающимися на обложке. Или энциклопедию достанет, словно позарез ей в ней что-нибудь найти нужно, и откроет на страницах змеиных, и оставит эти страницы открытыми лежать непременно в таком месте, чтобы Зоинька обязательно на них наткнулась и ойкнула. Эти ойканья Жанне, по-видимому, доставляли радость.

– Извини, извини, совсем забыла, – произнесёт девочка так искренне, что хочется верить, что говорит правду, а на уме-то совершенно другое.

Дима терпел долго, но когда Зоинька забеременела, не выдержал:

– Ещё раз повторится... – и, наклонившись, что-то прошептал Жанне на ухо. Та сразу же понимающе головой закивала и присмирела. Что уж такое ей мог Дима сказать, Зоиньке очень любопытно было, но спрашивать мужа не стала.

Одноклассник Виктор Шеин, узнав о Зоинькиной фобии, предложил ей обратиться к его знакомому психотерапевту. К тому времени уже Зоинькина дочка замужем была. Согласилась Зоинька, вдруг и вправду поможет, сколько можно бояться? Страх, может быть, этот не смертельный, а всё равно как неполноценной порой себя Зоинька ощущает. Выслушал её психотерапевт с самым серьёзным видом, головой кивая, сочувствуя, предложил пациентке глаза закрыть и змею представить, какую Зоинька боится. Увидела Зоинька змею маленькую, худенькую, серенькую. Лежит змеюшка, не шевельнётся, словно снотворное ей вкололи, в Зоинькину сторону и не смотрит даже.

– Позвольте ей двигаться, – советует психотерапевт, – что она делать будет?

Тронулась змея с места, поползла медленно-медленно и исчезла.

– Вот видите, вы ей совсем не нужны, – констатировал врач. – Легче себя чувствуете?

– Вроде да, – улыбнулась Зоинька.

И действительно, страх у неё, по крайней мере, к нарисованным всяким змейкам проходить стал, но тут решили Димины родители место жительства сменить, купить дом в Краснодарском крае с садиком, с огородом. Гараж тёплый дочке оставили, а дачу сыну.

– Не будет зять с землёй возиться, – сказали, – у него на уме только поездки на квадроцикле, а у Жанны телесериалы и подружки-хохотушки.

Жанна с таким раскладом не согласилась: дача в два раза дороже гаража стоит, но родителям перечить не стала. Считала, по-видимому, что брат должен был сам ей её долю предложить, и опять за старое принялась: на 8 Марта Зоиньке колечницу хрустальную преподнесла в виде змеи, намекнула, мол, вешай свои украшения, невестушка, помни, кто ты.

Зоинька презент приняла без истерики, у Жанны даже глаза на лоб полезли от удивления, что должного эффекта не получилось, а Зоя потом колечницу своей

начальнице передарила, не хотелось ей эту хрустальную красотку у себя на туалетном столике в спальне оставлять. Начальница счастлива, ещё бы: и фамилия у неё Кобрина, и в год змеи родилась, хотя на этом все её сходства со змеей и заканчивались.

Как-то к Зое внука привели понынчиться, четыре года уже, в садик ходит, а тут санитарный день случился, Зоя в отпуске была. Появился внук весёлый, к бабушке тянется целоваться, а на шее вместо шарфа змей намотан. Зелёный, ворсистый брюшко жёлтое, язык красный высунут, глаза чёрные смотрят. Оробела Зоинька, но куда деваться, любовь к внуку сильнее страха оказалась. Обняла ребёнка, предложила змея пока снять, спать уложить. Никак мальчишка со змеем-то расставаться не хочет. И кушать сел, и гулять с ним же на шее.

– А кто тебе его купил? – поинтересовалась Зоинька.

– Тётя Жанна.

– Ясно, – вздохнула женщина.

Пришли за внуком дочка с зятем, заторопился малыш домой, а змея своего вопыхах оставил в зале на полу рядом с игрушками. Подняла его Зоя осторожно, посадила на подставку для цветов в коридоре, пусть сидит, пусть наблюдает, что не боится его Зоинька.

Теперь её одна мысль беспокоит: сорок пять Зое исполнится, а невестка чего доброго подарит ей кольцо соответствующего змеиного вида или, ещё хуже, браслет. И неудобно будет не принять, и страх свой показывать тоже не хочется. А может, обойдётся, пожалеет денег Жанна на такую дорогую вещь? А не пожалеет, так заведёт Зоинька назло ей кота. Внук просит, и сама Зоя очень кошек любит, а что золовка кошаков боится, особенно чёрных, Дима как-то проговорился, так это её проблемы. Нашла кого бояться! Впрочем, страшнее кошки зверя нет, говорят.

Ольга Иосифовна Пашкевич – член Союза писателей России, член Правления Союза писателей Якутии, кандидат филологических наук, доцент Якутского института водного транспорта (филиал) Сибирского государственного университета водного транспорта. Окончила Иркутский государственный педагогический институт, аспирантуру Якутского государственного университета имени М. К. Аммосова.

Автор девяти книг стихов и прозы, лауреат региональной премии имени Кириллы и Мефодия, Всероссийского фестиваля-конкурса «Поэзия русского слова» (Анапа, 2017, 2018), Республиканского конкурса-фестиваля «На крыльях Стерха и Жар-птицы» (2020). Заслуженный работник культуры Республики Саха (Якутия).

